

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАШИ РОДИТЕЛИ
9

НА КОГО ПОХОЖИ
13

РАННЕЕ РАЗВИТИЕ
15

ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ
19

ДЕФИЦИТ
22

ДЕТСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА
27

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ
29

ДЕТСКИЙ САД
31

ШКОЛА КАК ОНА ЕСТЬ
33

ПОДРОСТКИ

43

ДЕНЬГИ

46

ОБО ВСЕМ НА СВЕТЕ

48

КОСМОС

54

КНИГИ, СКАЗКИ

57

О ЛЮБВИ И САМОМ ДОРОГОМ

62

ФИЛОСОФЫ

65

ПОНИМАЮТ БУКВАЛЬНО

69

БАБУШКИ

75

ИНТЕРЕСНЫЕ РОДИТЕЛИ

77

ЛЕГКО О СЛОЖНОМ

81

ДНИ РОЖДЕНИЯ

83

ТЕТРАДЬ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

85

САША И КЛАША + P.S.

88

Когда мне было пять лет, мама всегда твердила мне, что самое важное в жизни — быть счастливым. Когда я пошел в школу, меня спросили, кем я хочу стать, когда вырасту.

Я написал: «Счастливым». Мне сказали: «Ты не понял задания», — а я ответил: «Вы не поняли жизни».

Джон Леннон

Я хочу войти в ваш дом с улыбкой. Эта книга — сборник коротких рассказов порой с неожиданной развязкой. В них ребенок — и автор, и действующее лицо. Ее «наговорили» мне мои дети, поэтому она не могла не появиться. Я писала книгу долго — пока они росли, изредка что-то за ними записывая. Все остальное просто запомнилось. Удивительно хорошо запомнилось. Наступило то самое обострение памяти, когда воспоминания приходят легко, ярко и образно. Обострение памяти в состоянии счастья — счастья общения с детьми. Позже в книгу вошли главы об истоках семьи: наших родителях, системах воспитания, времени, в котором росли дети.

Вокруг нас — мир детства: сотни гениальностей без тщеславия и самообожания, обжигающая душу искренность, вера в нас и порой не заслуженное нами прощение. Ведь дети любят нас просто так.

Кроме любви есть еще чувство благодарности детям. Они мне дали возможность жить рядом с их удивительным миром, на нашей общей планете Детства. Надо только вспомнить, как быть ребенком.

Дети могут рассказать нам о нас самих, о том, как надо жить на этой земле, о той самой радости бытия. Детские впечатления не только самые сильные и яркие, они изначальные и во многом формируют духовность человека, предопределяют его судьбу.

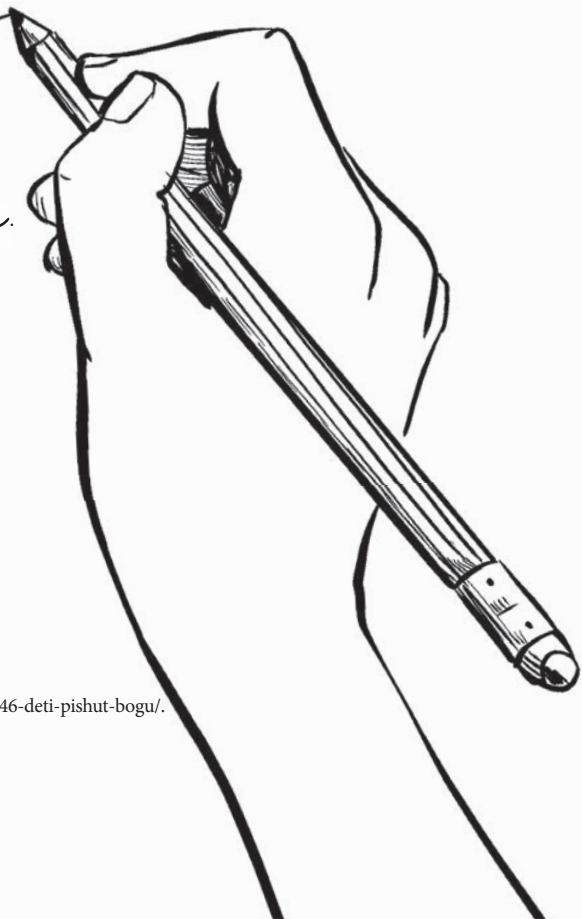

Разве от этого
не вздрогнет сердце?

Взрослые плачут слезами,
Взрослые плачут глазами,
Маленькие плачут сердцем,
Маленькие плачут жизнью,
Но если взрослый плачет, как маленький,
Значит, он правда плачет.

Марик, 4-й класс¹

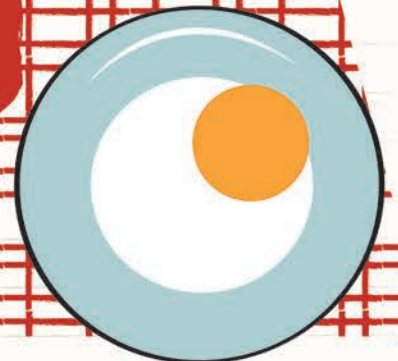
Пусть истории о себе
расскажут сами дети.

¹ Из книги М. Дымова «Дети пишут Богу»: <https://predanie.ru/book/219346-deti-pishut-bogu/>.

БОРЩ

ЛУК
МОРКОВКА
ДУША

НАШИ РОДИТЕЛИ

~~~~~  
Есть две вещи, которые родители должны  
дать своим детям: корни и крылья.

**Иоганн Вольфганг Гёте**

~~~~~

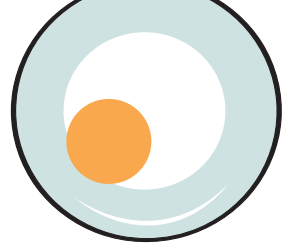
Эта глава об истоках, о наших корнях — о родителях. В наших семьях нас учили любить, как птенцов учат летать.

Каким мы были детьми? Любимыми.

И нам казалось невозможным не передать эту главную фамильную ценность по наследству.

В семье мужа четверо детей. Младший брат мужа Виталик был еще подростком, когда у нас появились дети. Называть родителей бабушкой и дедушкой он не разрешал — кидался драться. Так и повелось: папа Витя, мама Маруся.

Мама Маруся...

Объемы ее готовки поражали воображение.

— Ну, що будем готовить? Може, борщ?

Картошка, морковка, лук хранились где-то в подвале.

— Давайте я быстро сбегаю, — предлагаю я.

— Та я сейчас сама принесу.

Переделав все, что попало на глаза, и прилично промаявшись в ожидании картошки с морковкой, я выглядываю в окно. Мама Маруся зашла в курятник проверить цыплят и надолго там пропала. Вышла, подперла дровенякой двери сарая, зашла за чем-то в теплицу... Пришла она почему-то только с морковкой, сокрушаясь, что лук пророс.

Поискав ведро под картошку, мама Маруся вспоминает о собаке:

— Ира, намешай-ка Айге покушать.

— А чего намешать?

— Ой, та борща вчерашнего насыпь трошки, каши, хлеба, молока — що с вечера осталось, та и хватит.

Собака Айга была таких размеров, что справедливо было бы готовить ей, а потом трошки людям отлить.

Принесли картошку. Ее я чистила почти ведро и, когда понимала, что вот еще две — и все, спрашивала:

— Мам Марусь, хватит?

— Та обчисть еще парочку.

Всего было много. Изрезанная капуста еле помещалась в тазик. Если кастрюля для борща, то невероятных размеров. Я такие видела только студенткой в колхозных столовых.

Уф, борщ в кастрюле на четырех конфорках наконец готов!

— Давай-ка мы его сымем, сюда за печку поставим.

На плите появлялась кастрюля чуть меньше, и там уже что-то булькало.

— Маруся, это что?

— Та, може, кто суп будет.

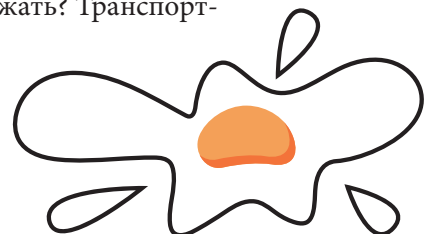
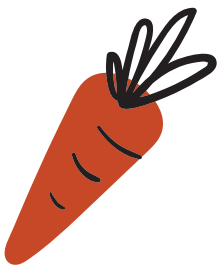
Готовим, опять всю душу вкладываем.

Принесли еще ведро картошки. Достали кастрюлю номер три. Поставили варить картошку в мундире.

— А это что будет?

— Папа окрошку любит. Только колбасы нет. Виталя, давай на велосипеде быстро за колбасой.

Следом на машине уехал мой муж за сметаной, а потом еще один брат (успел прийти в гости) — яиц уже мало, «а хлеба ни нам, ни цыплятам не хватит». В живых я осталась одна, лихорадочно соображая, чего еще не хватает и, если меня сейчас пошлют за квасом, куда бежать? Транспортных средств уже не было.

Приехал папа Витя на обед.
 — Давай борщичку насыплю, пока горяченький.
 Кастрюля остывала к следующему утру.
 — Молочка холодненького хочется. У нас чего-нибудь сладкое к молоку есть?

— Сейчас коржиков замешаю.
 — Не спеши, я сейчас ребятам за мороженым съезжу. Молочное брать или шоколадное?

— Та бери и с тым и с тым.
 Вот теперь точно все. Уехал последний.
 А потом были котлеты, тушеное мясо и снова картошка, теперь — пюре, подливка. Есть садились часа в два дня, до этого перебивались вчерашними варениками, ситро, пончиками.

За большой стол усаживались долго, шумно, боясь что-нибудь забыть да не поставить на стол.

— Виталя, а шо ж мы помидоров не достали?
 Выбраться из-за стола у Виталика не было уже никакой возможности.
 — Мам, да ладно уже, всего хватает, садись.
 — Та як же без помидоров? Виталя, давай слазь.

Вместе с Виталиком из-за стола выбралось еще несколько человек — пропустить. Он принес большую миску красных помидоров — изумительно вкусных, с листьями вишни и душистой смородины, хреном, чесноком, зонтиками укропа. Запах! А ведь и точно, помидоров не хватало. Остаток дня пили воду, квас, грызли яблоки. А часов в десять вечера:

— Ну шо, вечерять будем?
 Сердце тоскует, когда вспоминаешь эту суету, большой стол, любовь вот эту.

Папа Витя вернулся с работы. Его облепили дети, внуки, и на всех у него хватало рук, слов, улыбок. А глаза кого-то искали. Маму Марусю.

— Манечка, я дома, я приехал.

Папа сыграл в моей жизни главную роль, определил сценарий дальнейшей жизни. Русский интеллигент и, если эти слова можно поставить рядом, абсолютно честный человек. Он умер, когда мне было 19 лет, с тех пор у меня появился жизненный камертон. Все, что я делаю, — только с оглядкой на него. Если бы сейчас я могла подойти к нему, сказать, что устала стоять в стойке перед лицом жизни, струсила бы, промолчала. Промолчать легко: пока молчишь — можно успеть договориться с собой. Папа обнял бы, понял, простил. Но его нет рядом, и тогда: набираешь побольше воздуха и как в холодную воду ныряешь — говоришь. Высокая планка — трудно, но достойно.

Мама работала преподавателем сопромата и теоретической механики, была единственной женщиной на кафедре. Вот этот сопромат и термех крылом задел всех трех ее дочерей: мы стали технарями, мужей себе таких выбрали, а когда дети стали ходить на олимпиады по физике и математике — так и вовсе гордились.

Мама была вся в работе. Теперь, чтобы заснуть, мне нужны свет и шум: засыпала под громкие разговоры про календарные планы, объем контрольных работ, приложенной внешней нагрузке. Одно время, после смерти папы, ей было трудно ходить, студенты приходили к нам домой. И вот уже все всё сдали, и только какой-то Вася все ходит и ходит. Его не только мы — собака за своего держит. Зная, что она мне ответит, все-таки предлагаю:

— Мам, да поставь ты ему тройку.

В маминых глазах — почти испуг, она спешит мне ответить, пока я не успела сказать еще большую глупость.

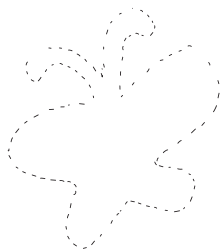
— Ира, ты думай, прежде чем сказать. В следующем семестре им будут читать теорию механизмов и машин, и мне спасибо не скажут, если они не будут знать основ предмета.

Вот эта святая вера в свою нужность, в изначальность знаний, в необходимость учиться и знать.

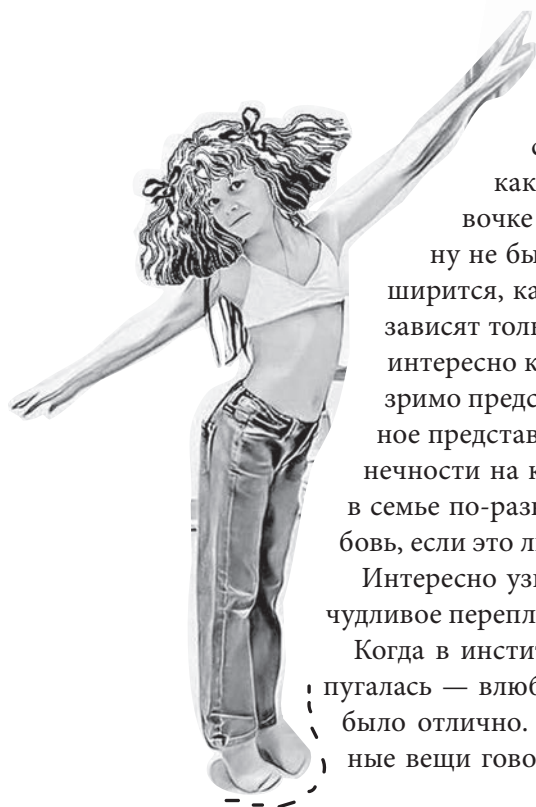
Особо ничего не выдумывая, мама учила внуков читать по заголовкам в газетах: требовала проговаривать все звуки, строго исправляла. В этом было что-то от ее основной специальности. Самое интересное, что дети обожали читать черно-белый непонятный текст, наверное, чувствовали, что это вталкивается в них с любовью.

Мы назвали детей в честь наших мам.

НА КОГО ПОХОЖИ

Во время первой беременности я пожаловалась сестре, что не смогу любить своего ребенка так, как люблю мою племянницу Ритусю. Я в этой девочке любила все, больше любить просто невозможно, ну не бывает еще больше. Потом-то я поняла, что любовь ширится, как Вселенная, как знак бесконечности. Ее пределы зависят только от сил души того, кто любит. Мне всегда было интересно как-то «пощупать» это понятие, приблизить к себе, зримо представить. Конечно же, не получается. Самое доступное представление — оси абсцисс и ординат со знаками бесконечности на концах. Никогда не понимала фразы: детей любят в семье по-разному. Дети — разные. А любовь — она и есть любовь, если это любовь.

Интересно узнавать в детях и внуках семейные черты, их причудливое переплетение.

Когда в институте муж сдал обществоведение на тройку, я испугалась — влюбилась-то в кого! Но ведь с точными науками все было отлично. Со временем поняла — ну не может он очевидные вещи говорить вслух. Наша дочь Маша вся в него: говорит

только по делу, сдержанна, эмоционально закрыта. Человек слова и дела. Дела в первую очередь.

Наша внучка Саша — Александра Андреевна — полная тезка своей прабабки. Мы с ней вообще как однояйцовые близнецы: одинаково капризничаем, запоминаем стихи с двух раз, замираем, услышав бардовскую песню, легко садимся на шпагат. Да и наши детские истории до смешного похожи.

Еще до рождения детей, то есть в прошлой жизни, мы с мужем отдыхали на море. Это так и называлось — просто море и всегда только Черное. Рядом с нами расположилась стайка детей, которые только что перезнакомились между собой. Они быстро сошлись, как это умеют только дети. Я почти слилась с лежаком, стараясь стать для них всего лишь декорацией, чтобы не мешать им.

Кто-то сказал, что у него есть кошка. И началось: две, нет, три кошки, филиал театра Куклачева, собака овчарка, собака овчарка и шесть щенков, бульдоги, ежики, маленький пони, стрекоза, светлячки, жуки-убийцы, «львы, орлы и куропатки»...

Одна девочка в самом начале рассказала о своей кошке, которую еще котенком нашли в подворотне. А потом замолчала, не поддерживая этих буйных фантазий. Впечатлениями делились по кругу, и когда до нее доходила очередь, она смущенно улыбалась, только глазенки наливались слезами. Не мог этот ребенок рассказать о тигренке, который у него не жил. И вот набралась духу и где-то между слоном и носорогом:

— А у меня старший брат есть!

Я поняла, что если пойду по этому людскому морю, то обязательно узнаю ее родителей. То ли глаза у них такие же, как у этой девчонки, то ли увижу, как они ужались на своем лежаке, чтобы не мешать остальным, то ли они посторонятся, когда я буду продираться между людей. Не знаю как, но узнаю — будет мне какой-то знак.

В серьезной науке юриспруденции есть понятие «дух закона». Не сам закон, а его дух. Дух семьи — то, чем она наполнена, чем живет, ее духовное начало. Здесь все сошлось: память прежних поколений, гены родителей, семейные ценности, традиции — все, что наполняет собой пространство семьи, и еще тот четко очерченный круг, за который нельзя заступить. За ним — предательство, непорядочность, ложь.

РАННЕЕ РАЗВИТИЕ

Чтобы воспитать ребенка так, как надо,
пройдите его путь сами, шаг за шагом.

Джон Биллингс

До рождения детей мы с мужем и не подозревали об увлеченности каждого из нас вопросами раннего и не раннего развития ребенка. Этот обоюдный интерес стал для нас приятным сюрпризом. Он обнаружился только после рождения сына Саши.

По приезде из роддома мы оба услышали звук какого-то внутреннего метронома: теряем время! Ребенка надо развивать немедленно!

Мы прочитали доктора Спока, из журнала наделали копии статей с описанием методики обучения грудничков плаванию. Стали плавать, таясь от наших мам, дабы не сойти с ума от советов и предостережений:

— Ушки, ушки берегите! Воды нахлебается!

Но выбить нас из этой колеи было уже невозможно. На наших глазах свершалось чудо. Мы опускали в воду одного ребенка, а там барахтался

совсем другой: радующийся воде,двигающийся в ней как рыбка. На команду папы «Саша, ныряй!» сын задерживал дыхание, выпрыгивал из воды и заливался смехом. Какая-то общая радость постижения мира! Бабушки, видя довольного и здорового ребенка, сдались, и, когда мы начали плавать с дочкой Машей, никаких возражений уже не было.

В отсутствие интернета и ютуба, где на тебя обрушивается шквал информации, в то время знания буквально добывались. При этом они были штучными — основательными.

Книги Лены Алексеевны и Бориса Павловича Никитиных² передавались из рук в руки, ими зачитывались, делились впечатлениями и своими наблюдениями. Из этих книг мы и узнали о методике Марии Монтессори³. Девиз ее школы «Помоги мне сделать это самому» и принципы — развитие индивидуальности ребенка, свобода в установленных границах — были созвучны тому, что мы искали!

Пособия Монтессори делали своими руками. Нарезали два набора вкладышей с геометрическими фигурами, придумывали с ними разные игры. Иногда дети собирали их на скорость. Маше было четыре года, когда в этих соревнованиях она победила в первый раз. Мы думали, что это случайность, ведь Саше было уже шесть, а два года разницы в этом возрасте — пропасть.

— Давайте еще раз сыграем.

Саня — очень азартный. Разложил вкладыши на полу в каком-то только ему ведомом порядке, бегаем вдоль них — примеряется, с какого боку зайти, глаза горят, готовится к реваншу.

Старт! Кажется, что Санька закипел и задымился. Су-е-та! Машуля складывает фигурки неторопливо, успевая при этом улыбнуться мне, оглянуться на возню котят. И она опять первая! Со временем она становится чемпионом во всех компьютерных играх, где требуется быстрая реакция, ум, скорость, толковость, оставляя далеко позади и нас с папой.

Привычная картина тех лет. Саша играет в «Цивилизацию»⁴, уходит в «паузу», прибегает на кухню, где Маша моет посуду:

— Мань, отбейся!

Маша, не говоря ни слова, вытирает руки, идет на помощь, возвращается буквально через несколько минут — готово!

² Б.П. Никитин и Л.А. Никитина — основатели многодетной семьи, авторы прогрессивной методики раннего развития. Опыт активно популяризировался Б.П. Никитиным и вызвал большой интерес в советском обществе 1960–1980-х годов, а также в ФРГ, Японии и других странах. — *Прим. ред.*

³ М. Монтессори (1870–1952) — итальянский врач и педагог, наиболее известна своей уникальной педагогической системой, основанной на идее свободного воспитания. Педагогическая система М. Монтессори до настоящего времени используется во многих государственных и частных школах по всему миру; действует Международная Монтессори-ассоциация. — *Прим. ред.*

⁴ «Цивилизация» (Civilization) — серия компьютерных игр в жанре пошаговой стратегии. — *Прим. ред.*

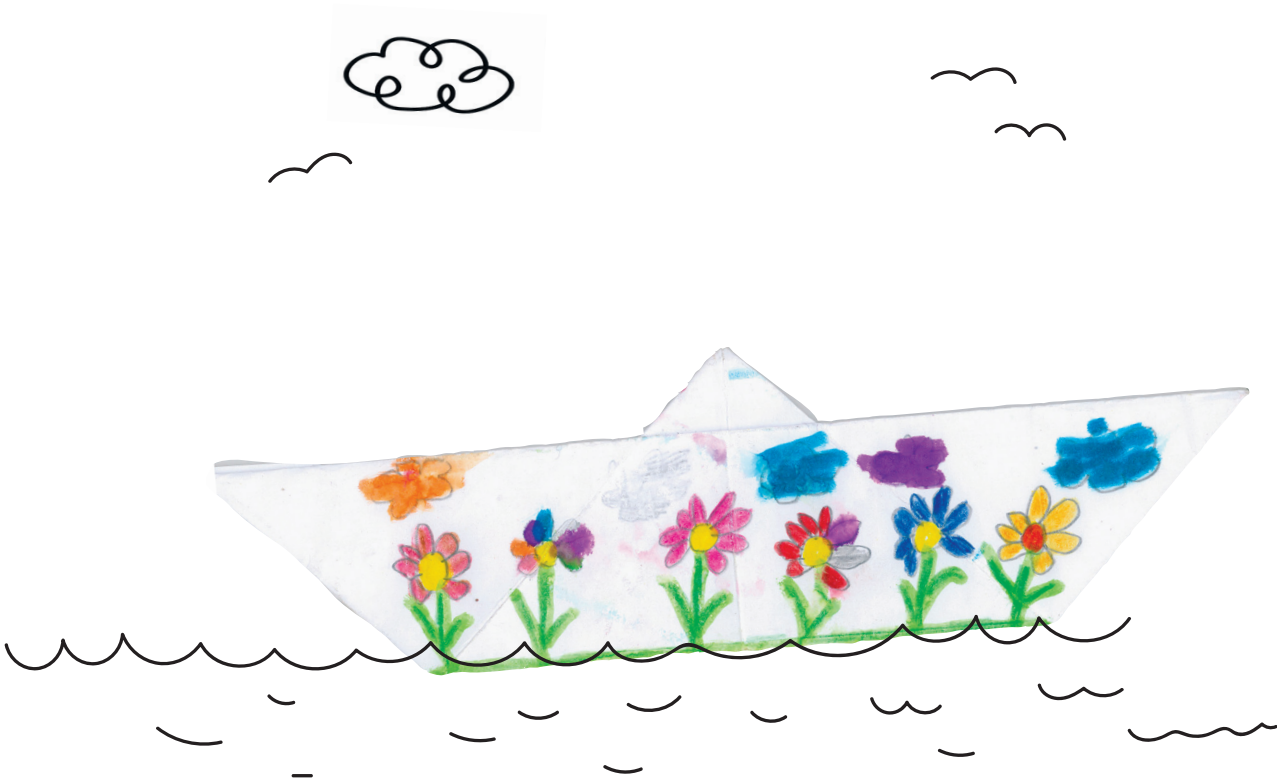
В развитии ближнего главное — не перестараться.

Поздняя осень. На улице дождь и слякоть — с ребенком не погуляешь. Я дала Саше возможность покопаться в папиных электрических схемах. За этим увлекательным занятием мы и коротали время.

Папе наше увлечение пришлось не по душе, на что я справедливо заметила:

— Но ему же интересно, это его развивает.

— Завтра дашь Саше ножницы и пододеяльник, пусть режет. Знаешь, как его это разовьет!

ПРИНЦИПЫ ВОСПИТАНИЯ

— Ура! Заработало!
Кот Матроскин
(«Трое из Простоквашино»)

Я как-то вовремя и навсегда прочла книгу Всеволода Овчинникова «Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах»⁵. Книга эта о нравах, привычках, культурных традициях и национальном менталитете англичан. Написанная тонким и умным наблюдателем, она стала для меня настоящим откровением.

Меня очень удивило отношение англичан к воспитанию детей, некоторая отстраненность от них.

Ребенок, по их мнению, прежде всего личность и может принимать решения и нести ответственность за свои поступки (сообразно возрасту, разумеется). Поэтому родителям в основном отводится роль наблюдателей.

⁵ Овчинников В.В. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах. М.: Мысль, 1980. 300 с.

В хорошей книге каждый найдет то, что он ищет. И я нашла. Надпись «Взрослым вход воспрещен» перед входом на детскую площадку.

С тех пор я заходила на детскую площадку лишь для того, чтобы подстраховать и объяснить. Я запрещала себе заниматься любимым родительским делом: одернуть, вмешаться, пригрозить, в то время как они карабкаются, носятся, спрыгивают и куда-то лезут. Комбинезон станет грязным, платьице помнется, но ведь это они — для детей, а не дети для них. Это уже потом — стирать и гладить, гладить и стирать.

В то время мы жили рядом с университетом, вокруг — молодость, энергия, красота. Дети бегали по университетской аллее, постоянно что-то выкрикивая от переполняющей их радости. Прыгать, бегать, залезать — можно, кувыряться в осенней листве — да, прямо вот тут, на этой самой полянке.

При этом обязательно выполнение двух условий: это не должно быть опасно и не должно мешать другим.

— Вы можете бежать до конца аллеи, но обязательно остановиться около этой скамейки. Дальше — дорога, это опасно, тут мы пойдем вместе.

Это похоже на игру: добежать и остановиться в сантиметре от обозначенной черты. А потом надо бежать навстречу маме — а она все время приближается к этой самой черте, — и так успеть раз пять.

А вот про «не мешать другим» — с этим сложнее. Фраза Дмитрия Сергеевича Лихачёва впечаталась в мою память: «В основе всех хороших манер лежит забота — забота о том, чтобы человек не мешал человеку, чтобы все вместе чувствовали себя хорошо»⁶. И еще: «Интеллигентом нельзя притвориться»⁷.

В первом классе Таисия Николаевна, учитель сына Саши, несколько раз спрашивала меня:

— Чем вы его кормите?

Я не совсем понимала, о чем идет речь, и ничего не отвечала. Оказалось, что дети на свой день рождения приносят сладкое угощение. Сегодня, например, всех угощали Леночкиным тортом. Саша опять его раскритиковал: крем не такой, бисквиты вообще неправильные... В глазах потемнело. Дома я сказала Саше, что совершенно неважно, что любит он. Мама девочки очень старалась, утром бегала на рынок за яйцами...

— Ты испортил Лене день рождения.

⁶ Лихачев Д.С. Письма о добром. СПб.: БЛИЦ, 1999. 190 с.

⁷ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–8.

По щекам Саньки текли слезы.

— Мама, ну что мне делать, если я не могу его съесть?

— Обязательно сказать «спасибо», немного попробовать и пообещать, что остальное ты доешь позже. Я тебе дам пакетик. Ты туда незаметно положишь все, что не доел.

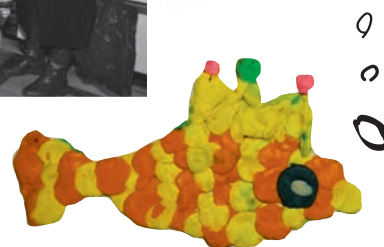
Иногда забавно было видеть, как шустрый Саша вдруг превращался в пай-мальчика из учебника английского языка. Он чинно вел себя за столом и на все вопросы взрослых отвечал:

— Спасибо, очень вкусно. Спасибо, я доем это позже.

ЖИВАЯ РЫБА
КОНСЕРВЫ
СЕЛЬДИ

ДЕФИЦИТ

Наше «детское» время пришлось на период советского и перестроечного дефицита — тотальной пустоты в магазинах. Самые необходимые продукты выдавались по талонам. Ребята как-то не по-детски серьезно относились к этим напечатанным бумажкам, понимая, что в них наши мыло и макароны.

Продукты покупали, предварительно записавшись в очередь по номерам.

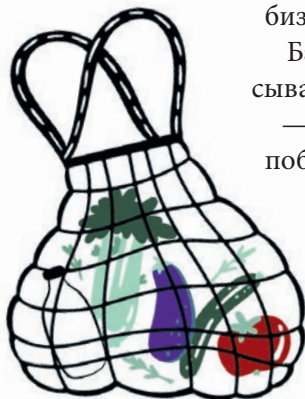
Помню эти очереди: битком набитый магазин, где каждый каждого подозревает, что тот влез не по своему номеру. Но потом все быстро сдружились, как могут только русские люди, объединенные вот такими обстоятельствами жизни. Детей брали с собой, потому что им отпускали такую же норму продуктов, как и взрослым. Для кого-то эти очереди были бизнесом, для кого-то благотворительностью — в общем, частью жизни.

Бабушки, которым не спалось, приходили к магазину среди ночи и записывали несколько номеров, а потом раздавали их:

— У этой двое детей, работает, когда ж ей успеть! Становись, Машенька, поближе.

И Машенька из 61-го номера становилась 13-м!

Признательность переполняла тебя настолько, что хотелось подойти к этой бабе Шуре, обнять, сказать много хороших слов. Но нельзя! Надо соблюдать конспирацию: благодарность только глазами, и баба Шура тебе в ответ — глазами! И тут же их притушит.

Иногда бабушки извинялись:

— Не записалась я сегодня, плохо спала, так ноги болели.

Чтобы дети не толкались в этой тесноте и духоте, их отсылали к окошкам магазина — там было посвободнее и посвежее, а если была хорошая погода — отпускали на улицу:

— Придете, когда очередь подойдет.

Дети заигрывались, и иногда разгневанная мама выбегала из магазина с криками:

— Ваня, ты что же это делаешь! Очередь подходит!

И Ваня стремглав мчался к магазину — знал свое дело.

Некоторые, подходя к прилавку, говорили продавцу:

— У меня два номера, со мной ребенок.

Какая-нибудь бдительная продавщица требовала предъявить ребенка. Очередь обычно отзывалась:

— Да тут он, тут.

Продавщица сердито обрывала:

— Хватит тут кричать. Тишину соблюдайте! Вас много, я одна.

В общем, это был хорошо отлаженный процесс. Продукт начинали продавать точно в назначенное время — ни минутой раньше, ни минутой позже. Ближе к началу очереди стоял человек, который наблюдал за порядком. Все четко, без лишней суеты, уважительно друг к другу.

Но сколько страсти и адреналина!

До момента, когда в руках оказывался заветный сверток, ты находился в состоянии стресса. И вот операция заканчивалась благополучно, да еще и на работе по профсоюзной карточке ты сегодня купил творог. Какой удачный день!

Зачем так много колбасы? На меня и двоих детей — три килограмма. Ее можно обменять на сливочное масло, которое сестра купила в соседнем магазине, или задушить семью колбасой в разных ее вариациях, или сготовить тазик оливье (если добудешь горошек и майонез), как будто на Новый год. Но тогда колбасу можно было есть — она была настоящая.

Вот это щемящее чувство, когда идешь на работу, а от тебя все дальше и дальше уходят два родных человека: мама с трехлитровым бидоном для молока и Машенька, укутанная потеплее, чтобы не замерзнуть в очереди.

Однажды мы с Машей покупали все ту же колбасу. Нам на двоих достался последний килограмм, его положили перед нами на прилавок. Вдруг женщина буквально кинула деньги продавцу, схватила наш сверток и выбежала

из магазина. В Маняшкиных глазах застыли стыд за взрослого, испуг, дикость происходящего. Люди ахнули, продавец закричала, бабушки запричитали. Продавец вынула откуда-то снизу килограмм колбасы и отдала ее нам.

Маша об этом случае рассказывала только близким людям: коротко, без лишних эмоций и объяснений — практически просто констатация фактов. Но проходило время, появлялся «доверенный» человек, и Маша рассказывала ему эту историю более подробно. А в глазах опять стыд, испуг, дикость происходящего, как будто случилось это буквально только что.

На центральной улице нашего городка стоял небольшой одноэтажный магазинчик «Пуговицы». Я бывала там редко, когда надо было купить пуговицы на рубашку мужу или резинку в детские трусики. А тут вдруг возле

магазинчика — толпа, шум, людское беспокойство. Кто застал дефицит советской поры, наверняка помнит этот выброс адреналина в предвкушении удачи.

Продавали пряжу для вязания, по десять мотков в руки. Я заядлая вязальщица. Господи, разве бывает такая удача!

Никогда не стоял вопрос, покупать или нет. Только да. Нет — в крайне отчаянной ситуации.

Первое, что ты делаешь, — считаешь деньги. Если подсчет не в твою пользу — куда бежать, где занимать? Голова работает как калькулятор. Но сегодня мой день!

Ко мне подошла подруга Маша. Они с сыном Петей идут из музыкальной школы и с удовольствием составят мне компанию в очереди, а кроме того, у нее с собой «много» денег. Но самое важное — она не вяжет! Ей не нужна пряжа. Таким образом, я могу купить тридцать мотков пряжи на нас троих (куда мне столько?). Мы так громко веселились, что продавец поняла наш «хитрый» план: вся пряжа достанется мне!

В этот день и час она была «наше всё», а тут на ее глазах зрела чудовищная несправедливость, ну просто акт вандализма. Из доброй феи она превратилась в фурию. Пряжа упакована в мешки по десять мотков в каждом. Очередь продвигается быстро — ни у кого и мысли не возникло купить хоть на один моток меньше. И вот мы у прилавка: я, Маша и тихий мальчик Петя, прижимающий к груди скрипку. Мешки с пряжей летят прямо в нас, мы их ловим практически на лету. Я не знаю, что со мной случилось, может быть, отчаянно захотелось свободы (свободы выбора и всего остального), и я спросила:

— А на скрипочку дадите?

Кормящим мамам раз в месяц, пока ребенку не исполнится четыре месяца, выдавали продуктовый паек. Трудно объяснить непосвященному, почему ты за ним ходила сама: не только потому, что при выдаче проверяли паспорт. Просто это была картинка из другой жизни, где обо мне заботились. Кто-то там Наверху знал, что эти продукты нужны мне и моему малышу.

Паек этот был невелик: обычно давали курицу, сливочное масло, сыр, чай. Масло в серой оберточной бумаге пахло так, что кружилась голова. Сыр был настоящий, его можно было есть. Ты выходил оттуда благодарный, благополучный, благостный. В сумке покоились сразу несколько сортов дефицита. Из них можно было накрыть изысканный стол для чая (дома еще были сухарики и варенье), а на обед приготовить курицу — разумеется, не всю.

Растянуть эту пайку на целый месяц нельзя, а вот чувство благодарности — вполне себе можно.

Саньке очень нравилась роль добытчика. Сын всегда просился сходить с ним в магазин и что-нибудь там добыть.

Чтобы купить две бутылки лимонада, надо сдать две пустые бутылки, — таков был неписанный закон. Однажды прибегает Саша:

— Мама, в магазине лимонад продают!

Я дала ему четыре пустые бутылки и денег на лимонад. Приходит радостный, довольный — принес уксус...

— Мам, лимонад закончился, я купил четыре бутылки уксуса. Хорошо я сделал?

— Конечно, сыночка, он мне очень пригодится.

Саша прибежал из магазина:

— Мама, мамочка, там мыло без талонов дают. Побежали скорее!

Я ненавижу этот запах, мне кажется, мыло это пахнет безнадегой и нищетой. Но мы, конечно, бегом побежали в магазин. Не могла я загасить эту Санькину заботу о семье.

— Сынуля, спасибо, ты молодец!

Потом я потихоньку это мыло раздавала.

Купила (как тогда говорили — достала) Саше две пары обуви. Мы сильно спешили и успели померить только по одной «туфле» из каждой пары. Опоздывая куда-то, бежим с ним по улице. Саша спрашивает с надеждой:

— Мама, а ты мне по второму-то купишь?

Мы с Сашей отдыхаем на Черном море в Сочи. Море, солнце, свобода. В один прекрасный день он разбивает хозяйский утюг. Это была если не трагедия, то уж точно большая неприятность. Саша видел, как я расстроилась, и пытался придумать, как утюг починить: склеить, отнести в починку, позвонить папе. Он чувствовал себя виноватым. Мы не пошли на море, а отправились покупать утюг. Утюга не было, но нам повезло — был миксер. Перед хозяевами извинялись оба — я и Саша. За миксер они нас легко простили, фу!

Через несколько лет мы стали вспоминать отдых в Сочи.

— Саша, что тебе больше всего запомнилось?

— Разбитый утюг.

А я о нем уже и забыла.

ДЕТСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА

Саше один месяц, и это наш первый выход в большой свет. Это событие, как правило, сопровождают важные взрослые слова: контрольное взвешивание, вскармливание, график прививок, осмотр специалистов. Но самое главное вот: у меня на руках — дорогое, теплое, родное, и мы с ним вышли во взрослый мир.

В поликлинике встречаю знакомую с крохой на руках. Кроху зовут Таней, ей четыре месяца. Мы очень рады встрече.

— Вот вам и невеста, — с удовольствием замечает Танина мама.

— Ой, да зачем же нам невеста в четыре раза старше?

Не просто удивлены — ошарашены! Смеемся и удивляемся, удивляемся и смеемся. Кстати, Танечка училась с Сашей в одном классе.

Саше 2,5 года

Мы с ним попали на рентген. Впечатление такое, будто в космос слетали: интересные установки, какая-то камера, то дышишь, то не дышишь. Саня стал туда проситься. Объяснила, что часто ходить не будем. С тех пор, когда

МАШИНА

ЕОНТ

МЫШ

КОРОВА

БОЖЬЯ
КОРОВАКА

ПЧЁЛА

мы бывали в детской поликлинике, обязательно подходили к двери рентгеновского кабинета и нежно ее поглаживали.

Саше 4 года

Сидим в очереди в детской поликлинике. Саша очень шумный, веселый, бегучий, прыгучий.

— Саша, здесь надо вести себя тихо.

— Почему? — Наш самый главный и всегдашний вопрос. Объяснишь — обязательно будет слушаться.

— Ты помнишь, как у тебя болела головка, животик? Сюда приходят больные детки.

Саша ведет себя чинно и тихо, озирается по сторонам, присматривается к таким же, как он, непоседливым детям. «А эти детки не такие уж больные, как рассказывала мама», — сомневается Саша. Но держится — слово есть слово.

В коридоре детской поликлиники стоит аквариум. Санька часто крутится возле него, выделывая невероятные кульбиты. Когда я поняла, что очередного захода к аквариуму не переживу, позвала Саню и решила сказать ему самые обидные слова, какие только могла придумать:

— Саша, если ты разобьешь этот аквариум, я никому не скажу, что я твоя мама, развернусь и уйду.

— Правильно, мамочка, иди, я тебя догоню.

ЩИНОК

ШИВОРОТ - НАВЫВОРОТ

У Саши все шиворот-навыворот

Моя прожившая 93 года бабушка, глядя на Сашины выкрутасы, говорила:

— Это не Саша, а оторви собаке хвост.

Первое большое Сашино предложение:

— Мама, я оторву собаке хвост!

Первое прочитанное слово покорило Саше в журнале «Юность».

Я читаю в журнале, который лежит у меня на коленях, рассказ «Сон».

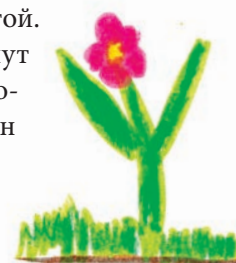
Саша подбежал, посмотрел и прочитал: «Нос».

Первое письмо он пишет со своей двоюродной сестрой Ритой.

Она еще не ходит в школу, но пишет уже хорошо. Письмо пишут президенту. Саша увидел фейерверк и считает, что у нас в городе их запускают непозволительно мало. Президент должен с этим разобраться. Рита пишет медленно, Саша все время ее подгоняет. Рита:

— Как пишется — «девочка» или «девичка»?

— Рита, ты не думай, не думай, ты пиши.

ЦВЕТОК

ДЕТСКИЙ САД

Ребенок первый раз уходит от мамы

Саша кричал отчаянно. Я стояла под окном детского сада и слушала. Однажды крик внезапно оборвался. Взлетев на второй этаж, столкнулась с воспитателем.

— Да что ж вы так переживаете? Все нормально. Вон он в кубики играет.

Похоже, покричать с утра стало привычным для него делом — ну как зубы почистить.

А вот Машенька в детский сад всегда шла покорно, и только глазенки выдавали ее напряжение. И как же хотелось ее обнять, прижать и никуда не отпустить.

Саше 4 года

В нашем детском саду — ремонт, и Сашу на время устроили в ведомственный садик хлебокомбината. Первый день Саня походил, осмотрелся, подошел к воспитательнице и говорит:

— Мне у вас тут не нравится, я от вас скоро сбегу!

— Что тебе не нравится, Саша?

— Мне не нравятся двери, окна, кроватки, стульчики, детки. И вы мне не нравитесь.

К счастью, воспитательница оказалась веселой умницей, поняла Сашину тоску и преданность родному детскому саду и воспитателям. Очень скоро они стали друзьями.

Детский сад очень уютный, с дополнительным питанием, группы маленькие, порядок и отличная дисциплина: дети строем ходят в туалет. Саня в эту пастораль вписывается плохо, нас все чаще спрашивают о сроках окончания ремонта. Обычно я приходила за ним и вынимала из угла.

- Сань, что сегодня?
- Кубики доставал.
- Их нельзя было доставать?!
- Можно, но молча.

Утренник в детском саду. Дети играют сказку «Колобок». В конце представления каждому ребенку подарили настоящий свежееиспеченный колобок. Вдруг Саня стремглав бежит через всю сцену, на ходу отламывает от колобка половину, протягивает мне: — На, мамочка, ешь! — и бегом обратно.

Дети срываются с мест, бегут к мамам, угощают — такая добрая, веселая возня! Ребята счастливы, мамы довольны, но, оказывается, утренник мы все-таки сорвали.

ШКОЛА КАК ОНА ЕСТЬ

~~~~~

Ребенок нуждается в вашей любви больше всего
именно тогда, когда меньше всего ее заслуживает.

Эрма Вомбек

~~~~~

Школа — марафон длиною в десять лет.

Я знала, что будет трудно, но чтобы так!

Первая четверть, первый класс. Прихожу на работу осипшая, все спрашивают, что со мной.

— Я кричу на сына.

Начальник моего сектора красивым жестом положил на стол десятку — большие деньги по тем временам.

— Ира, крикни! Я представить не могу, как ты это делаешь.

Что же я делаю! Кто сказал, что у двух отличников должен родиться третий? Зачем нам отличник? У нас дети, с которыми очень интересно жить рядом. Я была отличницей, это не так весело, как кажется, это даже подозрительно. Ну не может быть человеку все одинаково интересно: и дроби